

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Бывшая жена
КАВКАЗСКОГО
МИЛЛИАРДЕРА

18+

Александра Ветрова

**Бывшая жена
кавказского миллиардера**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Бывшая жена кавказского миллиардера / А. Ветрова — «Автор»,
2026

Он привык получать всё, что хочет. Деньги. Власть. И меня. Я была его женой, пока его измена не разрушила наш брак. Три года спустя авария стирает его память — он не помнит нашего развода, и я вынуждена вернуться в его дом, играя роль любящей жены. Но теперь я не та наивная девушка: я стану той, кого он боится потерять, даже когда правда выйдет наружу.

Содержание

Глава 1. Возвращение	5
Глава 2. Дом, который помнит нас	8
Глава 3. Тени прошлого	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александра Ветрова

Бывшая жена кавказского миллиардера

Глава 1. Возвращение

Москва встречала меня привычным серым утром, когда я стояла у окна своей новой квартиры на Патриарших. За стеклом кипела жизнь, которую я научилась наблюдать со стороны, словно сцена из чужого фильма. Машины сигналили внизу, люди торопились по своим делам, а я держала в руках чашку чёрного кофе и чувствовала, как аромат обжигает ноздри, но не согревает душу. Три года прошло с тех пор, как я переступила порог особняка на Рублёвке в последний раз, но его тень всё ещё преследовала меня по пятам, словно навязчивое воспоминание, от которого невозможно избавиться.

Руслан Темиров. Даже сейчас, спустя столько времени, одно только произнесение этого имени заставляло моё сердце биться быстрее, хотя я и поклялась себе, что больше никогда не позволю этому человеку влиять на мои чувства. Он был моим мужем, моей болью и моим проклятием, и я ненавидела его с той же силой, с какой когда-то любила. Наша история началась как сказка, а закончилась как трагедия, оставив после себя лишь пепел и вопросы, на которые у меня до сих пор не было ответов.

Я поставила чашку на подоконник и провела пальцами по стеклу, оставляя на его поверхности размытый след. В отражении я видела женщину, которая за эти годы научилась стоять на своих ногах, строить карьеру и не оглядываться назад. Мои волосы, когда-то длинные и выющиеся, теперь были коротко острижены, придавая мне деловой и уверенный вид. Глаза, которые раньше смотрели на Руслана с обожанием, теперь смотрели на мир холодно и расчётливо. И только внутри, глубоко-глубоко, где-то в самом центре моего существа, оставалась та наивная девчонка, которая верила, что любовь может победить всё.

Звонок мобильного телефона вырвал меня из размышлений. Я взглянула на экран и замерла — номер был старым, но я узнала его сразу. Это была свекровь, мать Руслана, Лариса Георгиевна, женщина, которая никогда не скрывала своего презрения ко мне. Мы не общались с ней с того самого дня, как я покинула их дом, и её внезапный звонок не предвещал ничего хорошего.

— Алия, — голос её звучал напряжённо, и это было странно, потому что всегда она казалась ледяной и невозмутимой, как статуя. — Я знаю, что мы не общались, но мне нужна твоя помощь. Дело касается Руслана.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую узел. Три года молчания, и вот теперь она звонит мне с просьбой. Что-то явно было не так.

— Лариса Георгиевна, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри меня бушевал ураган. — Что случилось? Мы не виделись три года, и вдруг ты звонишь мне и говоришь о Руслане. Я больше не имею к нему никакого отношения.

— Имеешь, — твёрдо сказала она, и в голосе её послышались нотки отчаяния, которые я раньше никогда не слышала. — Ты единственная, кто может ему помочь. Руслан попал в аварию, он в больнице. Врачи говорят, что он потерял память, частично. Он не помнит последние пять лет своей жизни. Алия, он не помнит нашего развода.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Весь мир вокруг словно остановился, и я слышала только гул в ушах. Потеря памяти? Он не помнит, что мы развелись? Это было настолько невероятно, что я не знала, что и думать.

— И что ты хочешь от меня? — спросила я, и голос мой дрогнул, выдавая всю бурю эмоций, которая сейчас бушевала внутри меня.

— Я хочу, чтобы ты приехала, — ответила Лариса Георгиевна, и в её голосе впервые за всё время нашего знакомства я услышала нечто похожее на мольбу. — Когда он очнётся, он будет ждать тебя. Он не помнит развода, Алиа. Он помнит только тебя, свою жену. Я боюсь, что если он увидит вместо тебя кого-то другого, это может навредить его состоянию. Пожалуйста, сделай это ради него.

Я хотела сказать «нет». Я хотела сказать, что она не имеет права просить меня об этом, что я не его жена уже три года, что я построила новую жизнь и не собираюсь возвращаться в прошлое. Но слова застряли в горле, потому что я понимала, что если действительно существует хоть малейший шанс, что Руслан нуждается во мне, я не смогу просто стоять в стороне и смотреть. Сколько бы я ни пыталась убежать от него, от наших отношений, от боли, которую он причинил мне, я всё ещё чувствовала с ним невидимую связь, которую не могла разорвать.

— Я приеду, — услышала я собственный голос, и тут же возненавидела себя за эту слабость. — Но только один раз, Лариса Георгиевна. Только чтобы убедиться, что с ним всё в порядке. А потом я уйду.

Она не стала спорить, только сказала адрес больницы и время, когда можно будет приехать. Когда я положила трубку, в квартире воцарилась тишина, нарушаемая только стуком моего сердца, который отдавался в висках. Я провела рукой по лицу и посмотрела на себя в зеркало, висящее в прихожей. Три года я строила свою жизнь, училась не вспоминать его каждый день, а теперь всё рушилось в один миг.

В больнице было светло и чисто, пахло медикаментами и стерильностью, и этот запах напомнил мне о днях, когда я сама лежала в палате после выкидыша. Тогда Руслан был рядом, держал меня за руку и клялся, что мы попробуем снова, что у нас всё будет хорошо. Но судьба распорядилась иначе, и через год наш брак развалился, словно картонный домик, в который кто-то дунул слишком сильно.

Я вошла в палату и замерла у входа. Руслан лежал на больничной койке, бледный, с повязкой на голове, но всё такой же красивый, такой же родной, даже спустя эти годы. Его лицо во сне казалось спокойным, почти безмятежным, и я поймала себя на мысли, что за три года я ни разу не видела его таким беззащитным. Он всегда был сильным, уверенным в себе мужчиной, который держал всё под контролем. А теперь он лежал здесь, и я видела на его лице следы боли, которые не скрывали даже сильные обезболивающие.

Я медленно подошла к кровати и села на стул рядом. Пальцы дрожали, когда я коснулась его руки, и тепло его кожи обожгло меня. Сколько ночей я мечтала снова почувствовать это тепло, сколько раз я проклинала себя за то, что позволила ему уйти, а теперь он был здесь, рядом, и я не знала, как мне быть.

— Алиа, — его голос раздался неожиданно, и я вздрогнула. Я подняла глаза и встретила с его взглядом — тёмным, глубоким, в котором застыло удивление и какая-то странная нежность, которую я не видела в нём уже очень давно. — Ты здесь. Я знал, что ты придёшь.

— Руслан, — выдохнула я, и голос мой сорвался. — Я... я здесь.

Он слабо улыбнулся и сжал мою руку, и эта улыбка разбила всё, что я выстраивала в себе три года. Одна улыбка, один взгляд, и я снова превратилась в ту девушку, которая готова была идти за ним на край света.

— Я так долго ждал тебя, — прошептал он, и в голосе его звучала такая тоска, что у меня защипало в глазах. — Мне снились кошмары, я видел тебя, и ты уходила. Я боялся, что потерял тебя.

Я молчала, не зная, что сказать. Как объяснить ему, что он действительно потерял меня, что мы не вместе уже три года, что между нами было столько боли и обид? Но я видела его глаза, и они смотрели на меня с такой надеждой, что я просто не могла сказать ему правду. Не сейчас. Не тогда, когда он лежит на больничной койке и едва пришёл в себя.

— Ты ничего не потерял, — тихо сказала я, и эти слова обожгли меня. — Я здесь. Я рядом.

Он закрыл глаза, и я увидела, как его дыхание стало ровнее, словно мои слова принесли ему облегчение. Я сидела и держала его за руку, чувствуя, как мир вокруг меня рушится, и одновременно что-то внутри меня, что-то очень важное, просыпается и начинает жить заново.

Когда он заснул, я осторожно высвободила руку и вышла в коридор. Лариса Георгиевна стояла у окна и смотрела на меня выжидающе.

— Он поверил, — сказала я тихо. — Он думает, что я всё ещё его жена. Ты должна была предупредить меня раньше.

— Я не могла рисковать, — ответила она, и в голосе её звучала усталость. — Врачи сказали, что его состояние зависит от эмоциональной стабильности. Если бы он узнал правду сейчас, это могло бы вызвать осложнения.

— И что ты предлагаешь? — спросила я, чувствуя, как раздражение поднимается внутри меня. — Я должна притворяться его женой? Сколько? День, неделю, месяц?

— Столько, сколько потребуется, — твёрдо сказала она. — Ты всё ещё любишь его, Алия. Я вижу это по твоим глазам. И он любит тебя. Даже если он не помнит наш развод, он помнит твою любовь.

Я хотела возразить, сказать, что она ошибается, что я давно перестала любить его, но слова застряли в горле, потому что я знала — это ложь. Я всё ещё любила его, любила, несмотря на всё, что произошло между нами. И это была самая большая моя слабость.

— Хорошо, — сдалась я, понимая, что проигрываю эту битву с самой собой. — Я сделаю это. Но на своих условиях. Когда он поправится, я расскажу ему правду. И если он захочет меня видеть после этого, тогда мы будем решать, что делать дальше.

Она кивнула, и я увидела в её глазах благодарность, которая была мне почти противна, потому что она не имела права быть благодарной мне после всего, что она сделала, чтобы разрушить наш брак. Но я отбросила эти мысли и повернулась к двери палаты. Я должна была сделать то, что считала правильным, даже если это разрушало меня изнутри.

Я открыла дверь и вошла обратно в палату, чувствуя на себе взгляд Руслана, который смотрел на меня с той же теплотой, что и три года назад, когда мы только поженились. Я села рядом и взяла его руку в свою, и в этом жесте я чувствовала, как старые раны начинают затягиваться, оставляя после себя лишь шрамы, которые напоминали мне о том, как легко можно обжечься о собственное прошлое.

— Останься со мной, — попросил он, и в голосе его было столько мольбы, что я не могла отказать ему. — Пожалуйста, останься.

— Я останусь, — ответила я, и эти слова прозвучали как приговор. — Я никуда не уйду.

И в этот момент я поняла, что больше не могу убегать от своей судьбы. Судьба сама нашла меня и бросила обратно в объятия человека, от которого я так долго убегала. Теперь оставалось только плыть по течению и надеяться, что я не утону в этом океане чувств, которые снова накрыли меня с головой.

Глава 2. Дом, который помнит нас

Три дня и три ночи я провела в больничной палате, почти не смыкая глаз. Каждое утро начиналось с одного и того же — я просыпалась в кресле, чувствуя, как затекает спина и немеют ноги, но стоило мне взглянуть на Руслана, как все неудобства становились неважными. Его состояние улучшалось с каждым днём: сначала он начал есть самостоятельно, потом вставать с постели, а на третий день врачи разрешили ему прогуливаться по коридору, и я шла рядом, поддерживая его под локоть, чувствуя, как сильно он опирается на меня, словно я была его единственной опорой в этом мире.

Он смотрел на меня так, как смотрел в первые месяцы нашей свадьбы — с восхищением, с нежностью, с той жадной любовью, которая заставляла меня чувствовать себя самой желанной женщиной на свете. Но я знала, что это всё иллюзия. Он не помнил измены, не помнил наших ссор, не помнил того вечера, когда я собрала свои вещи и ушла, хлопнув дверью так громко, что, казалось, весь дом содрогнулся. Он помнил только счастливое начало, и эта неполнота его воспоминаний давила на меня тяжестью, от которой хотелось закричать.

— Алия, ты какая-то напряжённая, — сказал он однажды вечером, когда мы сидели на подоконнике его палаты и смотрели на вечерний город, который за окном мерцал огнями, словно рассыпанные бриллианты. — Ты счастлива, что я рядом? Или что-то не так?

Он повернулся ко мне, и его тёмные глаза впились в моё лицо с той же пронизательностью, которую я так хорошо помнила. Руслан всегда умел читать меня как открытую книгу, и сейчас, даже ослабленный болезнью, он чувствовал мою внутреннюю борьбу.

— Всё хорошо, — ответила я, и улыбнулась той улыбкой, которую отрепетировала перед зеркалом за эти дни. — Просто переживаю за тебя. Когда тебя выпишут, мы вернёмся домой, и всё наладится.

Домой. Я сказала это слово, и оно обожгло мне горло, потому что я не знала, что значит этот дом сейчас. Наш особняк на Рублёвке, который когда-то был для меня крепостью, теперь ассоциировался с предательством и болью. Но я понимала, что должна туда вернуться, по крайней мере, пока Руслан не поправится. Иначе он заподозрит неладное, и это может разрушить его хрупкое душевное равновесие.

Вечером того же дня меня вызвала Лариса Георгиевна. Мы стояли в пустом коридоре, и тишина вокруг нас давила на уши, словно вата.

— Завтра его выписывают, — сказала она, и я заметила, как под её глазами залегли тени усталости, которых раньше не было. — Ты поедешь с ним в особняк. Я уже распорядилась, чтобы твои вещи перевезли из твоей квартиры.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается волна гнева. Она не спросила меня, она просто решила за меня, как и всегда. Но я сдержалась, потому что понимала — сейчас не время для споров.

— Ты не имела права распоряжаться моими вещами без моего согласия, — сказала я, стараясь говорить спокойно, хотя голос дрожал от едва сдерживаемого возмущения. — Но я не буду скандалить. Я поеду с ним, потому что это нужно для его здоровья. Но запомни, Лариса Георгиевна, я делаю это не ради тебя.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то новое — не осуждение, а скорее понимание, которое меня удивило.

— Я знаю, Алия, — тихо ответила она, и в голосе её впервые прозвучала искренность. — Ты всегда была сильной девушкой. Возможно, если бы я видела это раньше, наш брак сложился бы иначе. Но сейчас это неважно. Важно, чтобы Руслан поправился. И я готова просить у тебя прощения за всё, что сделала.

Это было так неожиданно, что я на миг потеряла дар речи. Лариса Георгиевна никогда не признавала своих ошибок, она всегда считала себя правой во всём, и сейчас эти слова прозвучали для меня как гром среди ясного неба. Я ничего не ответила, только кивнула и вернулась в палату, где Руслан уже дремал, положив голову на подушку.

Утро выписки выдалось солнечным и ясным, словно сама природа решила подарить нам иллюзию нового начала. Я помогла Руслану одеться, застегнула пуговицы его рубашки и почувствовала, как его пальцы коснулись моих, когда я поправляла воротник. Этот жест был таким интимным, таким привычным, что у меня перехватило дыхание.

— Ты так красива, — сказал он, и голос его был низким и тёплым, как бархат. — Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я понимаю, как сильно тебя люблю.

Я подняла глаза и встретила с его взглядом, и в этот миг всё вокруг исчезло — больничные стены, запах лекарств, гул голосов за дверью. Остались только мы, и я почувствовала, что таю внутри, словно кусочек сахара в горячем чае.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала я, и эти слова вырвались сами собой, помимо моей воли. И я не знала, было ли это правдой или игрой, но в тот момент я верила в каждое сказанное слово.

Дорога до Рублёвки заняла около часа, и всё это время мы сидели в машине почти в полном молчании, и только иногда Руслан брал мою руку и целовал её, и от этих прикосновений по моему телу пробегали мурашки. Я смотрела в окно на проплывающие мимо пейзажи, и в голове моей кружились обрывки воспоминаний — наш первый поцелуй на крыше его офиса, наши ссоры из-за того, что он постоянно пропадал на работе, наши примирения, когда он приходил ко мне ночью и шептал на ухо слова, от которых у меня подкашивались колени.

Когда машина остановилась у ворот особняка, я замерла. Дом был точно таким же, как и три года назад — высокие кованые ворота, ухоженный сад с фонтаном, фасад из светлого камня, который сиял на солнце. Но внутри меня всё сжалось от страха и предвкушения одновременно. Я знала, что войти в этот дом будет самым сложным испытанием, и тем не менее я шагнула за Русланом через порог, чувствуя, как прошлое накрывает меня с головой, словно морская волна.

Внутри всё осталось прежним — просторная гостиная с камином, мягкие диваны из белой кожи, огромные картины на стенах, которые мы когда-то выбирали вместе. Я провела пальцами по мраморной поверхности каминной полки и почувствовала под пальцами холод, который так контрастировал с жаром, разливавшимся внутри меня.

— Ты выглядишь потерянной, — сказал Руслан, подходя ко мне сзади и кладя руки мне на плечи. — Что с тобой, моя маленькая? Я здесь, я рядом. Всё будет хорошо.

Я закрыла глаза и позволила себе на миг поверить в это. Его руки были такими сильными, такими уверенными, и я чувствовала, как его дыхание касается моей шеи, посылая по телу электрические разряды.

— Я просто устала, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Эти дни в больнице были тяжёлыми.

— Тогда иди отдохни, — сказал он, и в голосе его послышалась мягкая забота. — Я велю подать чай в спальню. Ты помнишь нашу спальню?

Я помнила. Я помнила каждый уголок, каждый сантиметр той комнаты, где мы провели столько бессонных ночей. Я помнила, как он любил меня там, как его руки блуждали по моему телу, оставляя на коже следы желания. И одна только мысль о том, что я снова окажусь в этой комнате, заставляла моё сердце биться с бешеной скоростью.

Мы поднялись на второй этаж, и я остановилась перед дверью спальни, чувствуя, как ноги становятся ватными. Руслан открыл дверь и жестом пригласил меня войти, и когда я перешагнула порог, передо мной предстала комната, которая выглядела так, будто время остановилось в ней три года назад. На кровати лежала моя любимая шелковая наволочка, которую я купила

перед отъездом. На туалетном столике стояли мои духи, те самые, с запахом жасмина и ванили, которые он так любил.

— Я не трогал твоих вещей, — сказал он, и голос его прозвучал глухо. — Когда ты ушла на ту неделю к родителям, я сказал прислуге не заходить сюда. Я хотел, чтобы всё оставалось как при тебе.

Я замерла. Он говорил о той неделе, когда я уехала к родителям, но он не помнил, что та поездка была бегством, что я собирала вещи, чтобы никогда не вернуться. Он думал, что я просто уехала навестить родных, и это незнание делало всё ещё более мучительным.

— Ты такой сентиментальный, — выдавила я из себя, пытаюсь улыбнуться, хотя внутри всё дрожало. — Я не ожидала.

Он подошёл ко мне ближе и взял моё лицо в ладони, и его большие пальцы погладили мои скулы, вызывая целую бурю ощущений.

— Я всегда буду сентиментален с тобой, — прошептал он, наклоняясь всё ниже, пока его губы почти не коснулись моих. — Потому что ты — единственная женщина, ради которой я готов быть слабым.

И когда он поцеловал меня, мир перестал существовать. Его поцелуй был мягким и настойчивым одновременно, и в нём было столько невысказанной страсти, что у меня подкосились ноги. Я вцепилась в его плечи, боясь упасть, но он подхватил меня, прижал к себе так крепко, что я чувствовала каждый удар его сердца.

— Я так скучал по тебе, — прошептал он между поцелуями, и его голос сорвался на хрип. — Ты даже не представляешь, как сильно я скучал.

Он поднял меня на руки и понёс к кровати, и я не сопротивлялась. Я знала, что это неправильно, что я обманываю его, что это ложь, которая может разрушить всё, но в тот момент я не думала головой — я чувствовала. Когда он опустил меня на прохладный шёлк постели, я ощутила, как его тело нависает надо мной, как его пальцы расстегивают пуговицы моей блузки, касаясь кожи и оставляя за собой дорожку огня.

— Руслан, — выдохнула я, и голос мой предательски дрожал. — Ты ещё не совсем поправился...

— Мне всё равно, — ответил он, и глаза его потемнели от желания, которое невозможно было спутать ни с чем другим. — Я хочу тебя сейчас. Я не могу ждать.

Его поцелуи становились всё жарче, и я чувствовала, как его руки скользят по моему телу, изучая каждый изгиб, вспоминая то, что когда-то было таким знакомым. Я закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом моменте, забыть обо всём, что произошло за эти три года, и просто быть с ним, просто чувствовать его губы, его прикосновения, его тепло.

Когда его пальцы коснулись моего бедра, я вздрогнула, и он остановился, посмотрев мне в глаза с вопросом, который не нуждался в словах.

— Всё в порядке, — прошептала я, притягивая его к себе. — Всё в порядке.

И тогда он продолжил, но медленнее, бережнее, словно боялся причинить боль. Он раздевал меня медленно, целуя каждый участок обнажённой кожи, и его губы задерживались на моей ключице, на моих плечах, на внутренней стороне запястья, где пульс бился быстрее всего. Я отвечала ему, запуская пальцы в его волосы, наслаждаясь этим моментом, который казался одновременно неправильным и единственно верным.

Когда он вошёл в меня, я вскрикнула от смеси боли и наслаждения — он был осторожен, но эта близость после долгой разлуки ощущалась как взрыв. Его движения были ритмичными и плавными, и я чувствовала, как он сдерживается, как он смотрит на моё лицо, ловя каждую эмоцию. И я сдалась этому танцу, забыв, где я и кто я, забыв всё, кроме его дыхания и его рук, которые сжимали мои бедра, притягивая меня к себе всё ближе.

В кульминации мир растворился в белом свете, и я почувствовала, как его тело содрогнулось вместе с моим, и мы замерли в этом мгновении, объединённые единым ритмом, словно

никогда не расставались. Он упал на меня, тяжело дыша, и я обнимала его, чувствуя, как его сердце бьётся в унисон с моим.

— Я люблю тебя, — прошептал он в мои волосы, и голос его звучал так искренне, что слёзы подступили к моим глазам. — Я всегда буду любить тебя.

Я ничего не ответила, потому что слова застряли в горле. Я просто лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как его дыхание ровняется, а внутри меня разрастается чувство вины, которое будет преследовать меня до тех пор, пока я не скажу ему правду. Но сегодня я не могла. Сегодня я позволяла себе быть слабой и счастливой, даже если это счастье было построено на песке.

Мы уснули в объятиях друг друга, и мне снились странные сны — мы танцевали под дождём, смеялись, и всё вокруг было светлым и беззаботным. Но когда я проснулась утром, обнаружив, что Руслан ещё спит, а его рука лежит на моей талии, я поняла, что обратного пути нет. Я снова попала в его ловушку, и чем дольше я оставалась рядом, тем сильнее мне хотелось остаться навсегда.

Я встала с кровати, надела халат и подошла к окну. За стеклом начинался новый день, солнце заливало золотом сад, и птицы пели свои утренние песни. Я смотрела на этот прекрасный вид и чувствовала, как в душе моей просыпается надежда, которую я похоронила три года назад. Но вместе с надеждой просыпался и страх — страх, что однажды он вспомнит всё, и тогда этот сон превратится в кошмар.

Я повернулась и посмотрела на спящего Руслана. Во сне он казался таким беззащитным, таким настоящим, что моё сердце сжалось от боли. Я подошла к кровати, села на край и провела рукой по его волосам, и он улыбнулся во сне, прижимаясь к моей ладони.

— Я не знаю, что мне делать, — прошептала я, обращаясь к самой себе. — Но я знаю одно — я больше не могу от тебя уйти.

И в этой тишине утра, когда за окном пели птицы, а мой бывший муж лежал рядом и дышал спокойно, я приняла для себя самое сложное решение — я остаюсь. Я остаюсь, чтобы бороться за него, за нас, за то, что когда-то было потеряно. Даже если это означает, что я должна лгать до самого конца.

Глава 3. Тени прошлого

Дни в особняке потекли размеренно и странно, словно время здесь имело свою собственную плотность, отличную от того мира, который остался за воротами. Я просыпалась каждое утро в объятиях Руслана, чувствуя его дыхание на своей шее, и на мгновение мне казалось, что всё это — сон, из которого я вот-вот проснусь и снова окажусь в своей пустой квартире на Патриарших, где единственным звуком был гул холодильника. Но реальность была иной — я лежала в той самой кровати, где мы когда-то зачали нашего нерождённого ребёнка, где я плакала ночами, пока он не приходил с работы, и где мы в последний раз занимались любовью за неделю до моего ухода.

Он был нежен со мной, даже слишком нежен, словно боялся, что я могу исчезнуть, раствориться в воздухе, как утренний туман над садом. Каждое утро он приносил мне завтрак в постель, и я видела, как его глаза светятся гордостью, когда я хвалила его стряпню, хотя на самом деле я едва могла проглотить кусок, потому что внутри меня всё сжималось от напряжения. Он рассказывал мне о своих планах, о том, что хочет взять отпуск и увезти меня на море, подальше от всей этой суеты, и я улыбалась и кивала, чувствуя, как в груди разрастается чувство вины.

Однажды, когда мы сидели на веранде и пили чай с мятой, которую я когда-то посадила в маленьком горшке у входа, Руслан вдруг посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и в его глазах мелькнула тень тревоги.

— Алия, я хочу тебя спросить кое о чём, — начал он, и голос его звучал непривычно серьёзно. — За эти дни я заметил, что ты иногда смотришь на меня так, будто видишь во мне кого-то другого. Или будто ты боишься меня. Скажи, что случилось? Я что-то сделал не так?

Я чуть не поперхнулась чаем. Его наблюдательность всегда была моим проклятием, и сейчас, когда он был ослаблен, она никуда не исчезла. Он чувствовал мою фальшь, даже если не мог объяснить, откуда она берётся.

— Всё хорошо, любимый, — ответила я, ставя чашку на стол и беря его руку в свою. Его пальцы были тёплыми и сильными, и я сжала их, словно пытаюсь передать ему часть своей уверенности. — Просто я переживаю за твоё здоровье. Врачи сказали, что память может вернуться не сразу, и я боюсь, что, когда ты всё вспомнишь, ты можешь ... ну, я не знаю. Измениться.

Он рассмеялся, и этот смех был таким светлым, таким искренним, что у меня на миг перехватило дыхание. Он поднёс мою руку к своим губам и поцеловал каждый палец, медленно и нежно, глядя мне в глаза.

— Глупая моя, — сказал он, и в голосе его звучала такая нежность, что у меня защипало в глазах. — Я могу забыть всё на свете, но я никогда не забуду, как сильно я тебя люблю. Ты — мой якорь, Алия. Ты — единственное, что имеет значение в этой жизни.

Я отвела взгляд, потому что не могла смотреть в его глаза, полные любви и доверия. Я знала, что он не помнит ту ночь, когда я застала его с другой женщиной в его кабинете, не помнит, как он оправдывался и говорил, что это ничего не значит, не помнит, как я собрала вещи и ушла под проливным дождём, оставляя его одного в этом большом пустом доме. Он помнил только наше счастье, и я ненавидела себя за то, что использую это незнание в своих интересах.

Вечером того же дня в особняк приехал его старший брат Амир. Я знала Амира ещё с тех времён, когда мы только начали встречаться, и он всегда был для меня скорее врагом, чем союзником. Он не скрывал своего неодобрения нашего брака, считая, что я недостаточно хороша для его младшего брата, что я охотница за деньгами и статусом. И хотя я много раз доказывала обратное, его мнение оставалось неизменным.

Когда он вошёл в гостиную, я почувствовала, как воздух вокруг нас сгустился. Он был высоким, широкоплечим, с той же тёмной шевелюрой, что и у Руслана, но его глаза смотрели холодно и оценивающе, словно я была врагом, проникшим в его крепость.

— Алия, — произнёс он, и его голос прозвучал как ледяной ветер. — Я слышал, ты вернулась. Как трогательно.

— Амир, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри меня всё кипело. — Приятно видеть тебя. Руслан будет рад.

— Уверен, — усмехнулся он, проходя в гостиную и бросая взгляд на брата, который сидел в кресле у камина и смотрел на нас с лёгким недоумением. — Брат, я хотел поговорить с тобой о делах. Но, судя по всему, у тебя сейчас другие заботы.

Руслан поднялся и пожал руку брату, хотя я видела, что это усилие даётся ему с трудом. Он всё ещё был слаб, и каждый лишний шаг стоил ему энергии.

— Амир, ты приехал как раз вовремя, — сказал он, улыбаясь. — Я как раз думал о том, чтобы вернуться к работе на следующей неделе. Ты можешь ввести меня в курс дел.

Амир перевёл взгляд на меня, и в его глазах я прочитала предупреждение. Он знал, что я не была с Русланом все эти годы, знал о разводе, и его присутствие здесь было не просто визитом вежливости — он приехал, чтобы разоблачить меня.

— Мы можем поговорить наедине? — спросил Амир, обращаясь к брату, но глядя на меня.

Руслан нахмурился, но кивнул. Я поднялась, чувствуя, как ноги дрожат, и вышла из гостиной, но не ушла далеко — я остановилась за дверью, прислушиваясь к их голосам.

— Руслан, ты уверен, что она должна быть здесь? — услышала я голос Амира. — Ты помнишь, что было между вами? Ты помнишь, как она ушла?

— Амир, что за глупости ты говоришь? — ответил Руслан, и голос его звучал раздражённо. — Алия — моя жена. Она была со мной в больнице, она заботилась обо мне. Она моя семья.

— Она была твоей семьёй, — резко сказал Амир. — Но ты не помнишь, что произошло. Ты не помнишь, что вы развелись. Ты не помнишь, что она...

— Довольно! — голос Руслана прозвучал как удар хлыста. — Я не хочу это слушать. Если ты приехал, чтобы разрушить мою семью, то можешь уезжать обратно. Алия — моя жена, и она останется здесь столько, сколько захочет.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает. Амир замолчал, и я услышала его тяжёлые шаги, направляющиеся к выходу. Когда он проходил мимо меня, он остановился и посмотрел на меня тем взглядом, который я ненавидела больше всего — взглядом, полным презрения и угрозы.

— Это ещё не конец, — прошептал он. — Он вспомнит всё. И тогда ты пожалеешь, что вернулась.

Он ушёл, оставляя меня стоять в коридоре с бешено бьющимся сердцем. Я знала, что он прав — рано или поздно Руслан вспомнит, и тогда весь этот хрупкий мир, который я построила за эти дни, рухнет, как замок из песка под натиском волны. Но я не могла уйти сейчас, не могла бросить его, когда он так нуждался во мне.

Я вернулась в гостиную и увидела Руслана, стоящего у окна. Он смотрел на сад, и его плечи были напряжены. Я подошла к нему сзади и обняла, прижавшись щекой к его широкой спине.

— Всё хорошо, — прошептала я. — Я здесь. Я никуда не уйду.

Он повернулся, взял моё лицо в ладони и посмотрел в глаза так пристально, что мне показалось, он видит меня насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.